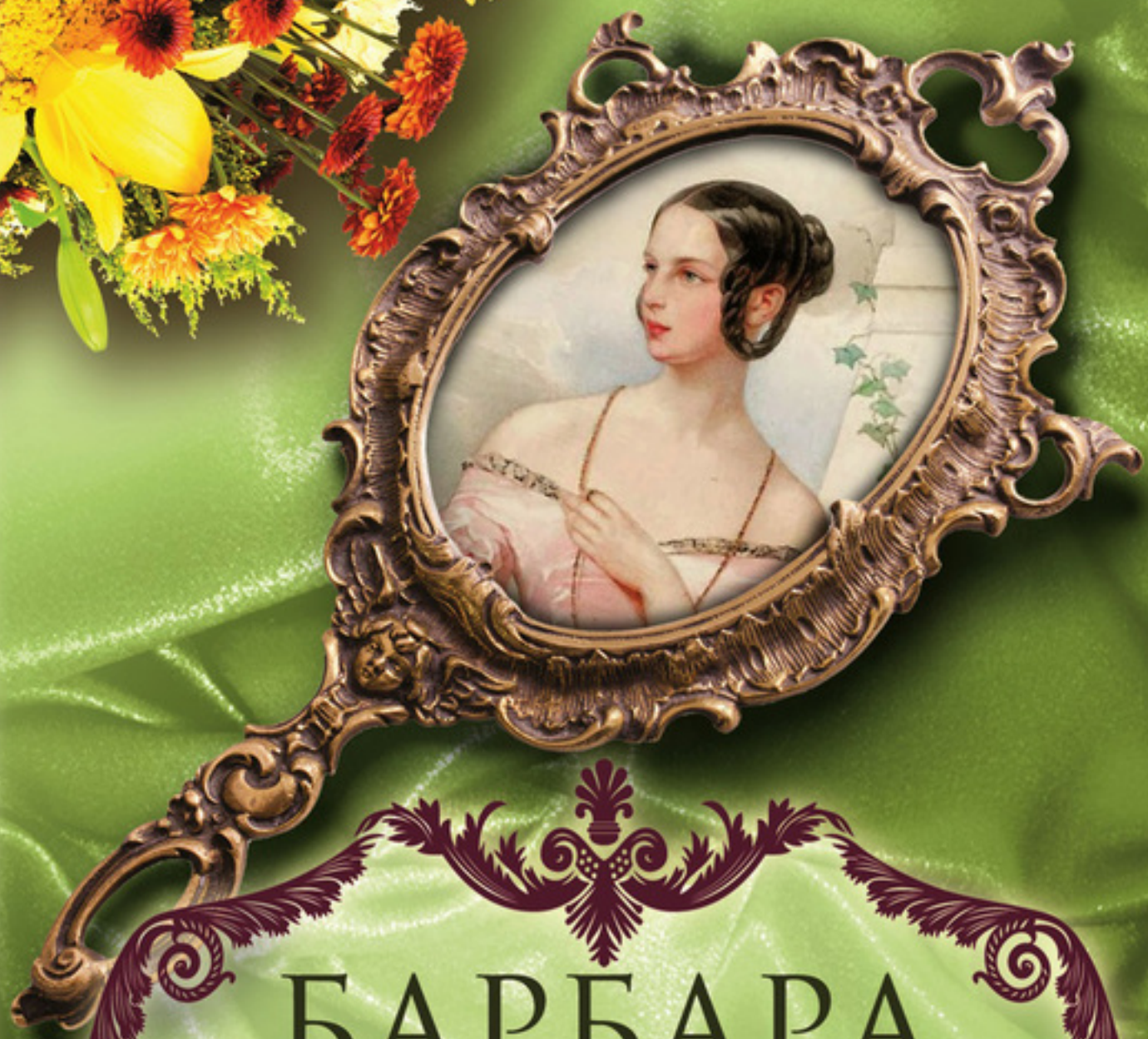

БАРБАРА КАРТЛЕНД

Просто будь рядом

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Барбара Картленд
Просто будь рядом

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2005

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

Картленд Б.

Просто будь рядом / Б. Картленд — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2005

Юная аристократка Новелла рано лишилась отца. А вскоре в дом пришла новая беда – жестокий отчим... Как защитить себя и мать от негодяя? В девичьем сердце теплится надежда, что однажды в ее судьбе появится тот, кто будет готов отдать за нее жизнь. Встретив Эдварда Мортонна, красавица понимает: именно его она так долго ждала...

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ

© Картленд Б., 2005
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2005

Содержание

«Розовая серия» Барбары Картленд	7
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Барбара Картленд Просто будь рядом

Barbara Cartland
Love is the Reason for Living

Выражаем особую благодарность литературному агентству «Andrew Nurnberg Literary Agency» за помощь в приобретении прав на публикацию этой книги

© Cartland Promotions, 2005

© DepositPhotos.com / RobHainer, обложка, 2015

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2015

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2015

* * *

Все персонажи и ситуации в книге вымышленные и никак не связаны с реальными людьми или событиями

Новелла посмотрела на сэра Эдварда, и неожиданно ее сердце наполнилось нежностью.

— Кажется, вы понимаете, как я отношусь к Краунли-холлу... — пробормотала она.

— Любому, кто знает вас, видно, что вы любите Холл так же, как вы любите свою маму или Саламандера!

Сэр Эдвард засмеялся и похлопал по боку Саламандера, который увязался за ними.

Уже давно Новелла не чувствовала себя такой счастливой. И рядом с сэром Эдвардом ей было удивительно легко.

Она прекрасно понимала, что у нее очень мало опыта общения с противоположным полом. Когда она училась в школе, к ней пару раз навевались потенциальные поклонники, но горничная всегда отсылала их, говоря, что ее нет дома.

Новелла никогда не была влюблена и поэтому даже не знала, что это за чувство.

Но, наблюдая на берегу реки за тем, как сэр Эдвард играет с Саламандером, она почувствовала загадочное теснение в груди, причина которого была ей непонятна.

«Что за глупости лезут мне в голову? — подумала она, встряхнувшись. — Нельзя отвлекаться от мамы и Краунли-холла.

Тем не менее она не могла не признать, что ощущала странный подъем в присутствии сэра Эдварда и тайное влечение к нему.

– Едем дальше, – предложила она, подтягивая к себе Саламандера. – Пожалуйста, помогите сесть в седло.

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодотворной писательницей – автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви – вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Любовь – это то, ради чего живет человек, ради нее существует все, что есть во вселенной.

Барбара Картленд

Глава 1

1871

– Прошу прощения, леди, но миссис Палмер хочет видеть вас в своем кабинете немедленно.

Горничная присела в книксене, и леди Новелла Краунли со вздохом отложила книгу.

«Интересно, что ей понадобилось?» – думала она, идя по многочисленным коридорам к кабинету директрисы.

Последние несколько лет для леди Новеллы выдались непростыми. Закончив Челфордскую школу благородных девиц, она после смерти отца, графа Краунли, осталась в ней преподавать.

Это мать посоветовала Новелле остаться в школе до тех пор, пока не будут улажены запутанные дела графа.

Новелла была единственным ребенком, к тому же девочкой, поэтому наследство не могло перейти к ней автоматически. С огромным облегчением она узнала, что отец оставил завещание с четким указанием предоставить право пользования имуществом ей и графине.

Но это было полтора года назад, так зачем же миссис Палмер вызывает ее к себе сейчас? Все это очень напомнило ей тот день, когда она услышала ужасную новость о внезапной смерти отца, и Новелла всем сердцем надеялась, что директриса не сообщит ей плохих вестей о матери.

Дрожащей рукой она постучала в дверь кабинета миссис Палмер. Через несколько невыносимо долгих секунд ожидания послышалось разрешение войти.

– Ах, Новелла, спасибо, что пришли так быстро. – Директриса взяла со стола очки и нацепила на нос. – Я получила письмо от вашей матери.

– Я надеюсь, хорошие новости? – спросила Новелла, ни жива ни мертва от страха.

– Для вас – возможно, но для Челфордской школы не такие уж хорошие.

– Боюсь, я вас не понимаю.

– Ваша мать просит освободить вас от обязанностей в школе, чтобы вы смогли вернуться домой в Краунли-холл.

– Она не пишет, почему я именно сейчас должна это сделать? – поинтересовалась Новелла.

– К сожалению, в ее письме ничего не объясняется, – ответила миссис Палмер, снимая очки. – Однако я уверена, что вы с радостью вернетесь домой. Новелла, для нас всех было большим удовольствием видеть вас среди работников Челфордской школы, но я всегда знала, что вы у нас не задержитесь. Девочкам будет жаль с вами расставаться, они вас любят, а я со своей стороны хочу поблагодарить вас за ваш удивительно самоотверженный труд на ниве образования. Жалованье вы получите за целый месяц, но уехать можете в любой день, хоть сегодня.

– Но девочки... – пролепетала Новелла, ошеломленная неожиданным поворотом событий. – Я хочу попрощаться с ними.

– В таком случае, – заявила миссис Палмер, вставая, – я предлагаю вам уехать завтра после собрания. Проведете сегодня последние уроки, а потом вам вполне хватит времени собраться.

Высокая женщина подошла к Новелле и сделала нечто совершенно для нее непривычное – тепло ее обняла.

– Ваша взрослая жизнь началась непросто, Новелла, – сказала она, отпустив девушку, – но вы проявили удивительную силу характера, которая, я уверена, поможет вам и во внешнем мире. Не забывайте, моя дорогая, школьные стены защищали вас от некоторых самых неприятных жизненных проявлений, но я не сомневаюсь, чем бы вы ни занимались отныне, вам будет сопутствовать успех.

Новелла не удержалась и расплакалась. Ей было невыносимо грустно расставаться со школой – местом, где она обрела покой после смерти отца и нашла друзей.

Вытирая глаза, Новелла вышла из кабинета миссис Палмер. Возвращаясь по все тем же знакомым коридорам, она не могла поверить, что уже очень скоро покинет их навсегда.

У себя в комнате она села за письменный стол и написала письмо матери, в котором сообщала, что выедет из Челфордской школы около полудня и собирается добраться до Краунли-холла в тот же вечер.

Она написала:

Дорогая мама!

Пожалуйста, попросите Уоргрейва встретить меня с экипажем на станции. Не могу дождаться, когда снова увижу вас всех. Невозможно передать, как я соскучилась по моей лошади, Саламандеру. Когда приеду, я поцелую вас, а потом первым делом навею его!

«Надеюсь, Салли все еще в Холле, – думала Новелла, собирая вещи. – И Гарри с Джеральдом».

Она вспомнила остальных слуг Краунли-холла, которых знала с детства. Салли была ее няней, и хоть Новелле тогда в силу возраста не положена была горничная, Салли она воспринимала именно как горничную. Она частенько делала Салли небольшие подарки, в основном одежду, из которой выросла или которую больше не собиралась носить.

«Я буду очень по всем скучать, но пришло время мне выйти в свет. Миссис Палмер права, я молода и не должна сидеть взаперти в школе».

Новелла подумала и о любви и замужестве, и хоть ни то ни другое после смерти отца ее совершенно не интересовало, она осознавала, что жизнь идет и что, когда придет время обзавестись наследником, внимание семьи обратится к ней.

Она не понимала, какой красавицей стала в свои двадцать лет, как не замечала и восхищенных взглядов, которыми провожали ее молодые мужчины, когда она водила своих учениц по городу.

«Надеюсь, мама здорова, – вздохнула Новелла, беря ее фотографию с комода. – Очень странно, что она не написала ни о здоровье, ни о самочувствии, ведь это ее излюбленная тема».

Она улыбнулась, вспомнив, как мама по малейшему поводу требовала нести ей нюхательные соли. Отец называл конституцию матери «деликатной», и Новелла радовалась, что здоровьем пошла не в мать, а в отца.

Граф был крепким, красивым мужчиной, и даже в последние годы выглядел моложе своих лет. Поэтому-то для всех и стала таким потрясением его гибель на охоте. Он был из тех людей, которые, что называется, не вылезают из седла, и дочь свою воспитал так же.

«Дождаться не могу, когда увижу Саламандера! – снова сказала сама себе Новелла. – Как давно я на нем не ездила. Надеюсь, помощники конюха не забывали выводить его гулять и пускать галопом. Он так не любит, когда его просто оставляют на пастбище или в стойле. Да, любимого Саламандера мне хочется увидеть ничуть не меньше, чем маму».

* * *

Утро следующего дня наступило слишком быстро. Много слез было пролито, когда на уроке рисования она объявила девочкам, что завтра уезжает, и Новеллу глубоко тронула искренняя печаль ее учениц.

Последняя встреча оказалась особенно трогательной, многие девочки рыдали, не стесняясь слез. Они подарили Новелле букет цветов и жемчужный кулон.

Нескольким ученицам разрешили пропустить уроки, чтобы проводить Новеллу до станции. О лучших проводах она и мечтать не могла.

Когда поезд отъезжал от Челфордской станции, Новелла, ослепленная слезами и дымом, валившим из трубы паровоза, махала платочком, пока платформа не скрылась из виду. Устроившись в своем купе первого класса, девушка скоро погрузилась в размышления и начала неспешно вспоминать все, что произошло в ее жизни за последние несколько лет.

Она была одаренной ученицей, и ей советовали продолжить образование в художественном училище. Но потом настал тот черный день, когда миссис Палмер вызвала ее к себе в кабинет и сообщила о смерти отца.

Несмотря на то, что тогда до окончания школы Новелле оставалось всего несколько месяцев, она отказалась от мысли ехать в Париж, чтобы поступать в художественное училище, и собралась вернуться в Краунли-холл в Суррее, но мать написала ей, что будет лучше, если она останется.

«Подумать только, мне тогда казалось, что мир рухнул! – думала Новелла, глядя на проплывающие за окном поля. – Какой же молодой и глупой я была!»

Когда миссис Палмер предложила ей остаться в Челфордской школе на правах учительницы рисования и рукоделия, она ухватилась за эту возможность. Отдавая всю себя своим ученицам, она забывала о боли в сердце.

«И вот я возвращаюсь домой, – в волнении продолжала размышлять она. – Интересно, чем я стану заниматься, если не смогу преподавать?»

Пока адвокаты не разобрались с завещанием отца, учительский оклад был единственным доходом Новеллы, позволявшим ей держаться на плаву.

Привыкнув на всем экономить, она и после того, как получила отцовские деньги, не отказалась от своих аскетических привычек. Ей как-то не приходило в голову, что целыми днями можно заниматься покупкой красивых платьев и изящных шляпок или что она теперь достаточно богата, чтобы купить целую конюшню лошадей.

* * *

Уже почти стемнело, когда поезд наконец прибыл на станцию Краунли. Новелла очень устала, потому что в пути ей пришлось дважды пересаживаться с поезда на поезд да еще ехать на кебе через весь Лондон до вокзала Ватерлоо.

Она вышла на платформу, и носильщик услужливо сложил ее вещи на тележку. Новелла с трудом узнавала станцию, мимо которой когда-то на Рождество проезжала в экипаже. За это время станцию полностью переделали, здесь появились цветочные клумбы и новый зал ожидания.

– В какой стороне выход? – озадаченно спросила она, обнаружив, что на месте выхода теперь зал ожидания.

– Сюда, миледи, – указал носильщик.

Он вывел ее из здания станции, и Новелла с удивлением и огорчением обнаружила, что ее никто не встречает.

– Взять вам экипаж, миледи? – спросил носильщик.

– Не нужно, спасибо. Скоро за мной приедут.

– Хорошо, но это был последний поезд, миледи, так что скоро я уйду. Если вы и впрямь уверены, что экипаж вам не нужен, тогда до свидания.

«Как странно! – подумала она, услышав, как в отдалении часы пробили одиннадцать. – Мама должна была понять, что я приеду последним поездом. Почему она не прислала Гарри или Джеральда?»

Тут она увидела, как из тени к ней шагнул человек.

– Прошу прощения, мисс. Не подскажете, который час?

Дальнейшие события развивались стремительно. В следующую секунду Новелла оказалась на земле, а незнакомый мужчина вырвал у нее из рук сумочку и пустился наутек.

– Стой! – закричала она. – Вор! Он украл мою сумку!

Она вскочила на ноги и бросилась за ним, но он уже исчез. Вокруг не было ни души. Слезы покатились у нее по щекам.

Вернувшись к двери станции, она увидела, что грузчик еще возится с задней калиткой. Заметив, что она в состоянии величайшего возбуждения идет к нему, носильщик бросил замок и побежал ей навстречу.

– Мисс, мисс! Что с вами?

Новелла несколько раз всхлипнула. Она почувствовала себя совершенно одинокой и беззащитной.

– У меня... У меня сумку украли, и за мной не приехали, – пролепетала она. – У меня даже платка не осталось, он в сумке лежал.

– Вот, мисс, – добродушный носильщик протянул ей свой большой платок. – Не убивайтесь вы так. У меня тут двуколка за углом – я за городом живу, – давайте я вас в полицейский участок свезу, там расскажете, кто вас ограбил.

Новелла вытерла глаза и высморкалась.

– Вот так возвращение! – промолвила она. – Я живу в Краунли-холле и не была дома с Рождества.

– Прошу прощения, миледи. Не знал, что у ее светлости есть дочь. Меня тут долго не было...

– Ничего... – Она посмотрела на него вопросительно.

– Дженкинс, миледи.

– Большое вам спасибо, Дженкинс. Давайте поедem в участок, а потом мне нужно домой. Не знаю, что задержало мой экипаж. Может, он по дороге сломался.

* * *

Итак, первые часы в родном Суррее Новелла провела в местном полицейском участке. Дежурный оказался очень душевным человеком и предложил отвезти ее домой в полицейском экипаже.

– Я с радостью сопровожу вас в Холл, – вызвался он. – Уже поздно, а на дороге темно, мало ли что.

Новелла поблагодарила носильщика Дженкинса и в уме сделала отметку на будущее отблагодарить его.

Была уже почти полночь, когда выдавший виды черный экипаж остановился у Краунли-холла.

Постучав в тяжелую дверь, Новелла вдруг почувствовала невероятную усталость.

– Надеюсь, Уоргрейв еще не лег спать, – произнесла она вслух, когда дверь начала открываться.

Но за дверью стоял не Уоргрейв, а какая-то незнакомая женщина.

– Слушаю вас, – раздраженно произнесла она.

– Я леди Новелла, дочь графини, – ответила Новелла. – Почему на станцию за мной не прислали экипаж? У меня украли сумку, и мне пришлось просить чужих людей отвезти меня домой.

– Извините, миледи, но мне таких указаний не давали.

– Где Уоргрейв?

– Кто?

– Дворецкий!

– Извините, миледи, но он здесь больше не работает.

Новелла удивленно посмотрела на женщину. На ее лице никакого сострадания она не увидела. Напротив, Новелле показалось, что характер у нее довольно неприветливый.

– А Гарри и Джеральд?

– Это те, которые лакеями здесь служили? Я не знаю, где они сейчас.

– А вы? – осведомилась Новелла. Ее уже начало раздражать высокомерие этой женщины.

– Миссис Армитадж. Я новая экономка.

– Хорошо, миссис Армитадж. Я не хочу беспокоить маму в такое время. Пойду прямо в свою комнату. Еще я собиралась сходить на конюшню повидаться с Саламандером, но уже, пожалуй, слишком поздно. Он здоров?

Миссис Армитадж посмотрела на нее отсутствующим взглядом и, нервно откашлявшись, сказала невпопад:

– Ваши вещи перенесли в голубую комнату, миледи. Ее светлость объяснит почему.

«Что же это происходит? – подумала Новелла, очень недовольная тем, что ее переселили в бывшую гостиную. – Половина слуг куда-то исчезла, а мне выделяют другую комнату».

Миссис Армитадж провела Новеллу вверх и по третьему пролету лестницы до ее новой комнаты.

– Я проветривала комнату и положила в кровать грелку несколько часов назад, поэтому не могу обещать, что она еще теплая, – сообщила экономка.

Новелла, вспомнив про манеры, поблагодарила женщину и закрыла за ней дверь.

Голубая комната вид имела довольно приятный, но это была не ее комната. Из нее не открывался прекрасный вид на парк, как в ее старой спальне, и в ней немного пахло пылью.

«Спасибо, хоть мои вещи и мебель перенесли сюда, – хмыкнула про себя Новелла, глядя на свою резную кровать с деревянной крышей, на огромной спинке которой был изображен фамильный герб в окружении желудей и листьев. – Было бы очень неприятно спать в другой кровати».

Для нее кровать имела особое значение, потому что это отец приказал ее изготовить для нее, как только она выросла из детской. Она еще больше ей нравилась из-за того, что у родителей в их комнатах стояли точно такие же кровати.

Не теряя времени, Новелла быстро разделась и юркнула под одеяло. Постель еще не успела остыть, поэтому она быстро уснула, позабыв об испытаниях этого дня.

* * *

Новелла устала так сильно, что на следующее утро проснулась только с ударом гонга, созывающего на завтрак.

– Боже, как поздно! – воскликнула она, посмотрев на часы на каминной полке.

«Где Салли? Почему она не пришла помогать мне одеваться? Придется самой постараться».

Собираясь, Новелла думала о том, с какой радостью увидит любимую маму.

«Брошусь к ней и крепко-крепко обниму», – сказала она себе, сбегая по лестнице.

По пути в столовую она успела запыхаться. Мать уже сидела за столом и ложечкой отправляла в рот кусочки фруктов. Глаза ее засияли, когда она увидела Новеллу.

– Милая! Ты дома! – проглотив кусочек грейпфрута, воскликнула она. – Мы так волновались, не дождавшись тебя вчера вечером.

– Мамочка! Любимая! – Новелла крепко поцеловала мать в щеку. – Простите, но меня никто не встретил, а потом меня ограбили.

– Ты не ранена, милая?

– Нет, мама, я жива-здоровая.

Только сейчас она заметила, что в комнате они не одни. Сперва Новелла решила, что это новый дворецкий, но, присмотревшись, увидела, что этот человек меньше всего похож на слугу. Он был не молод, но одет дорого и со вкусом, а на его мизинце поблескивал перстень с бриллиантом.

Увидев, что Новелла смотрит на него, он поклонился и продолжил накладывать себе на тарелку еду с большого блюда на буфете.

– Мама? – вопросительно произнесла она. – Вы не говорили, что у нас гость.

Графиня густо покраснела и предложила Новелле сесть.

– Дорогая, у меня есть новости.

Новелла не могла отвести взгляд от незнакомого мужчины. У нее неприятно засосало под ложечкой – этот человек ей крайне не понравился!

– Дорогая, я не захотела писать тебе об этом в письме, потому что решила поговорить с тобой глаза в глаза. Дело в том, что я снова вышла замуж. Это лорд Бактон, твой отчим.

Новелла ахнула и откинулась на спинку стула.

– Мама! Почему же вы мне раньше не сказали?

– Дорогая, когда твой дорогой папа умер, мне стало до того одиноко, что я подумала, что лягу в могилу следом за ним. Энтони был здесь со мной, он остался после похорон, чтобы я не скучала. Дорогая, я никогда в жизни не была одинока, и сама я не выдержала бы, поэтому, когда Энтони сделал мне предложение, я согласилась.

На глаза Новеллы набежали слезы. Ей захотелось кричать и бушевать. Как смела мать так быстро найти другого мужчину вместо отца?

Но она была хорошей дочерью, поэтому прикусила язык.

– Милая, пожалуйста, не смотри на меня так укоризненно, я этого не вынесу, – сказала графиня, прекрасно понимая, что думает ее дочь.

Потом она заплакала, и Новелла подумала, что сейчас придется нести нюхательную соль.

– Я хочу для тебя только счастья, милая, и теперь, когда у тебя снова двое родителей, тебе будет лучше, – прерывистым голосом произнесла графиня. – Энтони очень помог разобраться с делами твоего отца. Без его неоценимой помощи я бы не справилась.

– Мама, почему меня переселили в голубую комнату и что случилось с Уоргрейвом? С Гарри и Джеральдом? Почему утром Салли не пришла ко мне? Мне пришлось одеваться самой, и...

– Вам придется привыкать все делать самой, – бесцеремонно прервал ее отчим. – Слугам нужно платить, а денег у нас нет, поэтому я всех уволил. Уоргрейву, старому немощному дураку, давно пора было на покой. Нам с вашей матерью не нужна такая роскошь, как лакеи и горничные. А что касается вашей комнаты, мне она самому понравилась. Вас не было, поэтому я решил: зачем пропадать такому прекрасному виду из окна?

– Но Уоргрейв жил в этом доме еще с тех пор, как папа и мама поженились, – возразила Новелла, вставая.

– И своей нелепой страстью к роскоши он почти довел поместье до разорения, – ответил на это лорд Бактон. – Если бы я не успел вмешаться, вся семья оказалась бы в работном доме.

– Как это? – запинаясь, промолвила Новелла. – Отец оставил достаточно средств и для содержания дома, и для мамы. На счету были тысячи фунтов.

Лорд Бактон подошел к Новелле и смерил ее долгим тяжелым взглядом.

– Юные леди не должны забивать свои хорошенькие головки такими вопросами. Деньгами должны распоряжаться мужчины, а не женщины. Ваша мать предоставила мне полную свободу действий, и я надеюсь, что с вашей стороны не встречу возражений.

Новелла с отвращением посмотрела на ухоженное, раскормленное лицо лорда Бактона, встретила пресыщенный, полный превосходства взгляд. Это лицо неблагородного человека, решила она. Прикусив губу, Новелла снова села.

Горничная, которая прислуживала за столом, выглядела так, словно место ей было в судомойне, а не в господской столовой, однако Новелла пыталась об этом не думать.

– Вы уже познакомились с миссис Армитадж? – осведомился лорд Бактон, усаживаясь за стол с тарелкой, до краев полной мяса и рыбы.

– Да.

– Приятная женщина. Она много лет служила в доме моего отца. Разумеется, когда я поселился здесь, ей некуда было ехать.

– Вы продали свой дом? – спросила Новелла, стараясь говорить как можно вежливее.

Тут графиня громко кашлянула, давая понять Новелле, что это неуместный вопрос.

Однако лорд Бактон остался невозмутим.

– Я человек не сентиментальный, – начал он, разрезая кусок грудинки. – Содержать тот дом было слишком накладно, а мне нужно было оплатить весьма значительные долги, поэтому да, я продал его.

– Это случилось до или после того, как вы женились на маме? – стараясь не волноваться, спросила Новелла, хотя сердце ее готово было выскочить из груди. С каждой секундой в ней росло холодное негодование.

– Не припомню, – неопределенно ответил отчим. – К сожалению, оказалось, что Краунли-холл требует еще больше расходов, чем мой дом.

– Надеюсь, милорд, вы не хотите поступить с Краунли-холлом так же, как со своими владениями? – смело спросила Новелла.

– Дорогая, – вмешалась графиня, почувствовав, что разговор повернул на слишком щекотливую тему, – ты же знаешь, отец оставил достаточно денег на дом и на тебя. В его завещании об этом было прямо сказано.

– Ха! – воскликнул лорд Бактон, к изумлению Новеллы. – В этом мире нет такого завещания, которое мой адвокат не смог бы оспорить, если я ему это поручу.

– То, что принадлежит мне, – мое, милорд, – твердым голосом ответила Новелла, хотя внутри у нее все клокотало. – У отца были лучшие адвокаты, и он не хотел бы, чтобы мама или я нуждались.

– Теперь я ваш отчим, и, думаю, по закону мне принадлежит не только все имущество вашей матери, но и ваше.

– Энтони, не стоит обсуждать такие неприятные темы за завтраком! – воскликнула графиня, заметно побледнев. – Новелла, дорогая, расскажи лучше, чем ты собираешься заняться в первый день дома? Сад, увы, уже не такой, каким был прежде, потому что нам пришлось уволить садовников, как раз когда у них было больше всего работы.

– Я хотела покататься на Саламандере. Ах, мама, я так об этом мечтала, и день сегодня, похоже, будет ясный. Я съезжу через поля к реке.

Новелла, глядя на мать, увидела, что та сникла.

– Милая, я еще кое-что должна тебе сказать.

– О нет! Саламандер... Он же не умер, правда? Прошу, скажите, что он не умер! Я не перенесу, если он умер.

Графиня посмотрела на дочь, потом на мужа. И вдруг ни с того ни с сего расплакалась.

– Новелла! Ох, Энтони... *Я не смогу ей рассказать!*

Сердце Новеллы забилося так сильно, что ей показалось: еще немного, и оно прыгнет в горло и задушит ее.

– Мама, чего вы не сможете мне рассказать?

Наступило долгое молчание, нарушаемое лишь тихими всхлипами графини.

Лорд Бактон даже не оторвал взгляда от яйца. Срезав верхушку, он провозгласил:

– Ваша мать пытается вам сказать – весьма unsuccessfully из-за своей деликатности, – что Саламандер больше здесь, в Краунли-холле, не живет. Но у него все хорошо.

Новелла встала, глаза ее сверкнули.

– Я требую, чтобы мне рассказали, где он.

– Хорошая дочь ничего не требует у своих родителей, – ответил на это лорд Бактон холодным как лед голосом. – К вашему сведению, я продал Саламандера и остальных более-менее ценных животных своему другу. Я уверен, сэр Эдвард позволит вам время от времени навещать лошадь, если вы будете с ним приветливы.

Новелла пришла в ярость. Она вскочила из-за стола, дрожа всем телом. Взмахом руки прогнав горничную, которая подошла, чтобы поставить перед ней яйцо, она взорвалась.

– Как вы могли позволить ему продать Саламандера? Мама, как вы могли?

После этого она выбежала из столовой и кинулась наверх в свою спальню.

По щекам ее текли горячие слезы.

– Как он мог? – вскричала она, бросившись на кровать. – Кем он себя возмнил? Он не достоин греть тапочки отца у камина, а не то что занимать место хозяина, когда после его смерти еще и двух лет не прошло.

Чувствуя себя несчастной, она проплакала несколько часов.

– Не такого возвращения домой я ждала, – всхлипнула она. – Боюсь, что и мое благосостояние теперь под угрозой. Наверняка лорд Бактон без колебаний и у меня отнимет все деньги. Я должна защитить себя. Должна! Мама никогда не отличалась силой воли, а теперь тем более. Ах, папа, как бы я хотела, чтобы вы сейчас оказались здесь. Вы пришли бы в ужас, увидев, что стало с вашим любимым Краунли-холлом и с дочерью.

Глава 2

К обеду Новелла решила, что должна придумать план защиты матери, себя и Краунли-холла.

«Пусть отчим не думает, что я размазня, которую можно подчинить так же легко, как мать, – говорила она себе, плеская холодной водой в лицо. – Он явно привык, чтобы его слушались, но я не собираюсь этого делать без необходимости. Он мне не отец».

Войдя в столовую, Новелла уже была спокойна и собрана.

Мать расхаживала туда-сюда вдоль большого венецианского окна, выходящего на сад и подъездную дорожку.

– Ах, Новелла, милая, ты уже лучше себя чувствуешь?

– Вполне, мама, спасибо.

– Дорогая, ты так расстроилась из-за Саламандера, но, поверь, он бы не выдержал в этой конюшне взаперти на сквозняке. Там, где он сейчас, ему будет лучше...

Новелла не ответила – в самое ближайшее время она намеревалась навестить к сэру Эдварду, кто бы это ни был.

«Наверное, какой-то старый приятель лорда Бактона», – подумала она, а вслух спросила:

– Лорд Бактон присоединится к нам за обедом?

– Нет, дорогая, у него какие-то дела в Лондоне, и вернется он поздно.

«Хорошо. Значит, я могу без помех осмотреть дом», – подумала Новелла, приступая к супу, который поставила перед ней горничная.

– Фу! – воскликнула она, проглотив первую ложку. – Что это такое?

Графиня смущенно потупилась.

– Это суп из бычьей щеки. Твой отчим после нашей свадьбы уменьшил расходы на хозяйство, поэтому, боюсь, теперь нам приходится закупать продукты подешевле.

Новелла вспомнила завтрак и гору мяса, которую отчим навалил себе на тарелку.

«Когда надо ему, он, видимо, позволяет себе расходы», – с негодованием подумала она.

– А что с кухаркой?

– Наша кухарка ушла. Теперь у нас новая.

– Она тоже служила у лорда Бактона?

– Нет, дорогая. Новелла, я очень надеюсь, что ты примешь его. Знаешь, не каждый мужчина возьмет в жены стареющую женщину с неопределенным будущим.

– Мама, вы же знаете, что это неправда. Отец не оставил бы нас прозябать, и я собираюсь так или иначе выяснить точно, что у нас есть. Я хочу как можно скорее встретиться с его душеприказчиками.

– Но, милая, ты уверена, что это нужно делать? Мы же не хотим, чтобы поднялся шум. – Графиня встала из-за стола. – Новелла, я чувствую, у меня сейчас разболится голова, а в груди такое чувство, будто по ней стадо слонов топталось. Наверное, я вчера во время поездки простудилась. Сегодня я оставлю тебя одну. Уверена, ты найдешь чем заняться.

Новелла наклонилась, поцеловала мать и подошла к окну.

Потом она покинула столовую и направилась в гостиную. Немало счастливых вечеров провела Новелла в этой комнате с родителями. Мать обычно играла на фортепиано, а отец пел богатым басом. Новелла помнила все эти песни. Были среди них современные, были и классические.

Но, когда она вошла в комнату, ее ждало новое потрясение.

– Пианино! Где пианино? – вскричала она, подбежав к тому месту, где раньше стоял инструмент.

Салфетка и подсвечник, которые некогда украшали его, переместились на каминную полку и казались обветшалыми и забытыми.

Окинув взглядом комнату, Новелла увидела, что ее стены нуждаются в ремонте. Вокруг карнизов и подоконника темнели влажные пятна, а ковер в некоторых местах так протерся, что по нему было опасно ходить.

Новелла торопливо вышла из гостиной и начала осмотр всего дома. Увиденное обескуражило и не на шутку встревожило ее. В каждой комнате она видела, что каких-то вещей уже нет, а их место заняли более дешевые.

Кухня показалась ей пустой теперь, когда из нее исчезли почти все слуги. Женщина с красным лицом, грубым голосом и еще более грубыми руками стояла у плиты, которая выглядела так, будто ее не чистили уже несколько месяцев.

– Миледи, – сказала кухарка, делая книксен и одновременно вытирая руки о грязный передник.

– Извините, я не знаю вашего имени, – начала Новелла.

– Хиггинс, миледи.

– Сколько человек работает на кухне?

– Его светлость очень строг, миледи. Только я и одна служанка. Миссис Армитадж может зайти помочь, если много работы или я сама не успеваю.

– Что у нас на обед?

– Отбивные из баранины, картошка, кое-какие овощи, миледи, и разные пудинги. Его светлость любит вкусно поесть.

– Спасибо, Хиггинс.

Скрепя сердце Новелла пошла вверх к западному крылу. Оно наверняка теперь мало использовалось, однако, если бы в их доме устраивались званые обеды, они проходили бы в нем. Там же располагались и комнаты для гостей. Во время охотничьего сезона отец всегда собирал здесь друзей. То, что Новеллу ждало там, заставило ее рыдать.

– О боже! Здесь был пожар, и ничего не восстанавливалось, – произнесла она вслух, когда ей ударил в нос едкий запах старого горелого дерева.

Заливаясь слезами, она провела пальцами по обуглившимся остаткам шелковых штор и портьер. Повсюду была грязь и разруха. В дальнем конце крыла в крыше зияла дыра, через которую было видно небо, вся мебель и стены отсырели и заросли плесенью.

«Почему мама ни разу не написала мне, что здесь был пожар?» – подумала Новелла, поспешно уходя из страшного места.

«Пойду на конюшню, поговорю с Чарльзом. Пусть там уже нет Саламандера, но общество старых друзей меня, наверное, успокоит».

Она свернула в коридор, ведущий к одному из многочисленных выходов в сад, и уже через несколько секунд оказалась у конюшни.

«Неужели все продали?» – в страхе прошептала она, потому что на конюшне было подозрительно тихо.

Заглянув внутрь, она увидела, что несколько лошадей там все же осталось. Кобыла матери, Бэлл, правда, сильно состарившаяся, сосредоточенно жевала пучок сена в своем стойле.

– Здравствуй, моя старушка! – обрадованно воскликнула Новелла. Даже одно знакомое животное было приятно видеть.

– Мисс Новелла! – Она обернулась и увидела угловатую фигуру Чарльза, старого конюха, с охапкой сена в руках. – Ну, порадовали вы мои старые глаза...

Новелла подбежала к нему, взяла его грубую руку и крепко пожала.

– А как я рада видеть вас! Но, Чарльз, я в отчаянии. Мой отчим не погнушался продать всех лучших лошадей... Папа этого не допустил бы.

– Правда ваша, миледи, – глубокомысленно кивнул конюх. – Тут все не так с тех пор, как Саламандера не стало... Одно меня утешает – он попал в надежные руки. Сэр Эдвард – хороший лошадиник и любит своих лошадок почти так же, как ваш батюшка любил своих.

– Прекрасная новость, Чарльз. Кто у нас остался кроме Бэлл?

– Причуда и Мейбл... Бедная старуха сейчас только и может, что таскаться по пастбищу. Джаспер еще остался, но он тоже уже старый.

Новелла сокрушенно покачала головой.

– Поверить не могу. Отец собрал лучшую конюшню в графстве, а теперь от нее ничего не осталось. Как же так...

– Да, миледи.

– И вы теперь совсем один?

– Если не считать Неда – это парнишка из деревни, я иногда его зову. Он славный малый, но не живет здесь, как я.

Новелла выдернула из охапки сена в его руках пучок и подошла к стойлу Причуды.

– Хотя одна приличная лошадь осталась. Почему ее не отдали?

– Они говорили что-то о том, что сюда приедет сестра его светлости и будет на ней кататься, но пока что я не видел ее.

«Значит, потом на Причуде буду ездить я», – решила Новелла и сказала:

– А теперь, Чарльз, можете ли рассказать мне, что случилось с западным крылом?

– Уж не знаю, стоит ли пересказывать, что люди болтают, миледи.

Новелла посмотрела на него своими огромными карими глазами, как часто смотрела в детстве, когда хотела что-то выпросить.

– Можете рассказать, Чарльз. Я не стану плохо о вас думать, о чем бы вы ни поведали.

– Я слышал, что это гости его светлости натворили. Взрослые мужчины устроили какие-то дурацкие игры с огнем. Но это еще не самое худшее.

Новелла подняла тонкую бровь.

– Не самое худшее?

– Миледи, надо полагать, еще не видела башню?

Чарльз бросил сено и сложил на груди руки, всем своим видом выражая возмущение.

– Нет, не видела.

– В нее молния попала через неделю после свадьбы ее светлости. Все резные украшения обсыпались в сад и валяются там до сих пор. Это позор. Страшный позор. Вы сможете что-нибудь сделать, миледи? Я так рад, что вы наконец-то вернулись.

Новелла слушала излияния старого конюха, и ее все больше охватывало уныние.

– Спасибо, Чарльз, за откровенность. Я собираюсь навестить сэра Эдварда и рассказать ему, что я думаю о человеке, который распродает лошадей покойного на глазах у его семьи.

– Он хороший человек, миледи. Не такой, как остальные дружки его светлости.

– В таком случае надеюсь, что он проявит благоразумие, когда я попрошу его вернуть отцовских лошадей.

– Он их честно купил, миледи. Он же не мог знать, что кто-то будет против.

– Вам нравится сэр Эдвард.

– Да, миледи. Он много часов провел здесь с лошадьми и со мной, прежде чем забрал их. Все расспрашивал меня про их привычки, что каждая есть любит да когда кого кормить надо.

– И все равно, он друг моего отчима, поэтому я свое мнение придержу до тех пор, пока сама не увижу его. Можете не сомневаться, Чарльз, я верну Саламандера в Краунли-холл! Обязательно верну. Даже если мне придется заплатить вдвое дороже, чем заплатил за него сэр Эдвард!

С этими словами Новелла попрощалась с Чарльзом и направилась в дом.

* * *

Ровно в восемь часов прозвучал гонг, созывающий к обеду.

«Отчим, скорее всего, вернулся, так хоть поем нормально», – сказала себе Новелла, приглаживая тяжелые черные локоны и надевая бриллиантовое ожерелье, подарок дяди на минувший день рождения.

Разговаривать с отчимом ей не хотелось, потому что она чувствовала, что разговор их невольно перейдет в неприятный спор о семейных финансах.

«Надеюсь, маме лучше, – подумала она, открывая дверь столовой. – Я спрошу у нее, как она себя чувствует, и не позволю ей уходить от темы».

Сделав глубокий вдох, Новелла вошла в столовую. Отчим, как можно было ожидать, уже сидел за столом, но мать нервно расхаживала по комнате.

– Новелла, дорогая!

– Как ваша голова, мама?

– Уже не болит, спасибо.

– Утром я видела Чарльза, и он упомянул, что в последнее время вам часто нездоровится.

Мать, кажется, немного заволновалась и закашлялась.

– Ничего страшного, просто боль в горле долго не проходит. Чарльз вечно волнуется по пустякам. Ведет себя так, будто мы все еще дети.

Новелла рассмеялась:

– Это правда! Я его ни на что не променяю.

– Я не потерплю подобной дерзости от слуг, – рявкнул отчим, оторвавшись от стакана с кларетом, уже наполовину пустым.

– Чарльз живет с семьей Краунли еще с тех пор, когда был жив старый граф, – робко ответила графиня. – Он пришел в этот дом юношей и всегда говорил то, что думает.

– В таком случае, очевидно, пришло время поискать нового конюха, – резко бросил лорд Бактон.

– Энтони, дорогой, прошу тебя. Он у нас последний остался. Никто так не управляется с лошадьми, как он.

Лорд Бактон зарычал и отпил из стакана.

– Возможно, ты права, дорогая. Мои друзья завидуют мне, когда видят, как он справляется даже с самыми норовистыми животными. Он стоит того жалованья, какое я ему плачу, иначе я бы его уволил вместе с остальными бездельниками. К тому же он обходится совсем дешево. Поди найди ему замену на такое низкое жалованье.

В столовую вошла горничная с супом, и на время наступила напряженная тишина.

– Превосходно! Заячий суп! – воскликнул лорд Бактон, берясь за ложку и с аппетитом заглядывая в тарелку. – Теперь скажи, Генриетта, ты перевела деньги со своего счета на мой?

– Я... Я сегодня утром плохо себя чувствовала и не смогла съездить в банк, – пролепетала графиня.

– Генриетта, ты же знаешь, деньги нужны мне срочно. Я завтра еду в Лондон, и мне понадобятся наличные. Ничего тебе нельзя поручить!

– Мама нездорова, – вмешалась Новелла.

Лорд Бактон опустил ложку и устремил на нее тяжелый взгляд.

– Вы слишком разговорчивы, юная леди. Раз уж вы живете здесь за мой счет, советую вам помалкивать, пока я к вам не обращусь.

– У меня есть собственные деньги, сэр, и, если хотите, я могу заплатить кухарке за те продукты, которые идут на меня. Более того, сегодня я внимательно осмотрела дом и

собираюсь провести здесь за свой счет срочный ремонт. Вы по своей занятости, как видно, не заметили, что западное крыло скоро совсем сгниет, а башня того и гляди обрушится.

Глаза лорда Бактона округлились, лицо налилось краской.

– Это неслыханно! – вскричал он. – Указывать джентльмену, что ему делать в собственном доме!

– Я думаю, вы скоро выясните, что этот дом не ваш, а мой и мамин, – ровным голосом ответила Новелла, не дрогнув под его взглядом.

Лорд Бактон выглядел так, будто был готов взорваться.

– Скоро увидим. И, если вы намерены швыряться деньгами, можете отдать их мне. Вы передадите мне всю наличность, которая у вас имеется.

– Боюсь, наличных у меня нет, сэр. На станции у меня украли сумочку, а все, что у меня было, находилось в ней. Мне самой нужно в банк.

– Вы, разумеется, подпишете для меня разрешение на доступ к вашему счету.

– Я этого не сделаю, – возразила Новелла, сверкая глазами.

– Посмотрим. Но довольно этих разговоров. Генриетта, будь добра, запри западное крыло, чтобы туда кто попало не ходил, – сказал он, и губы его сжались в мрачную тонкую линию.

– Вы будете ремонтировать башню? – не отступилась Новелла.

– Где же мне взять на это деньги, если вокруг так много жадных ртов?

– Новелла, дорогая, не расстраивай отчима. Он занятой человек и старается для нас, – мягко вставила графиня.

Тут раздался стук в дверь и в столовую вошла миссис Армитадж.

– Да?

– Милорд, вас хочет видеть сэр Эдвард Мортон. Я провела его в библиотеку...

– Попросите кухарку, пусть поставит греться котлеты, – сказал он, вытер жирные красные губы и бросил салфетку на стол, после чего встал и вышел из столовой.

– Дорогая, не нужно так сердить отчима, – упрекнула Новеллу мать, как только за ним закрылась дверь. – У него такой сложный характер.

– Мама, я очень о вас беспокоюсь.

– Я же говорила тебе, со мной ничего страшного не происходит. Подумаешь, небольшой кашель.

– И все равно, я бы хотела, чтобы вы сходили к доктору Джоунсу.

– Сейчас мы себе не можем этого позволить, Новелла.

– Деньги. Деньги. Деньги. В этом доме только о них и говорят... Не понимаю, куда они все делись. Он часто просит у вас?

К ее удивлению, мать расплакалась.

– Дорогая, ты не понимаешь, – прошептала она. – У него большие расходы. Но скажу тебе честно, я поняла, какой он транжира, только после свадьбы. Поначалу он мне представился как обеспеченный человек...

– Но у него должны быть свои деньги. Он же продал свой дом.

– Все ушло на карточные долги и налоги на наследство. У него так много кредиторов, Новелла, что я вздрагиваю от каждого звонка в дверь. Да вот, только в прошлом месяце мне пришлось отдать свои изумруды приставам. Представляешь, какой позор? Чтобы *приставы* являлись в Краунли-холл!..

Новелла встала, бросилась к матери и обняла ее, успокаивая.

– Новелла, кажется, я сделала большую глупость. Мне было ужасно одиноко, когда твоего отца не стало, а лорд Бактон показался мне таким добрым и чутким. Сказать по правде, как только мы вышли из церкви, он превратился в того человека, которого ты сейчас видишь.

– Но папины деньги... Неужели они все потрачены?

– Почти все, – призналась графиня. – Новелла, ты должна быть сильной. Мы стоим на краю банкротства.

– Этого не может быть! Я сделаю что-нибудь, что угодно, лишь бы не допустить этого.

– Боюсь, может быть слишком поздно.

Произнеся эти печальные слова, графиня опять заплакала, и очень скоро ее всхлипы превратились в надсадный кашель. Она кашляла так долго и натужно, что лицо ее покраснелось, а глаза заслезились.

– Мама, я позову кого-нибудь на помощь. Попробуйте дышать медленно.

Новелла подбежала к сонетке и задержала шнурок что было сил.

Через секунду в дверях показалась взволнованная миссис Армитадж.

– Помогите провести маму наверх, в ее комнату.

– Послать кого-нибудь из конюшни за доктором, миледи? – спросила экономка, когда они укладывали графиню в кровать.

– Посмотрим, как она будет себя чувствовать утром. Я пока найду отчима, – сказала Новелла, направляясь к двери. – Он должен знать, что маме стало плохо.

Быстро добежав до библиотеки, она увидела открытую дверь, постучала и вошла.

– Лорд Бактон, простите, что мешаю, но маме стало плохо!

Только сейчас Новелла заметила второго мужчину в комнате.

Она попыталась скрыть удивление, потому что вместо полного пожилого джентльмена, каким ей представлялся сэр Эдвард Мортон, на диване сидел красивый подтянутый молодой человек с благородными чертами лица.

– П...простите, – пролепетала она, пораженная привлекательностью сэра Эдварда.

– Ах, та самая юная леди, которую я надеялся увидеть, – сказал он, вставая и низко кланяясь. – Я понимаю, сейчас не самое подходящее время, но мне кажется, это вас обрадует.

Он нагнулся и взял что-то с дивана.

– Моя сумочка! Откуда она у вас? – воскликнула Новелла.

– Констебль Томпкинс – мой старый друг. Узнав, что я собираюсь в Холл, он попросил меня передать ее очаровательной девушке, которую несколько дней назад он имел честь подвозить. Ее нашла женщина, которая убирает зал ожидания на станции.

Сэр Эдвард снова кивнул, и Новелла заметила веселые искорки у него в глазах. Как ни старалась Новелла остаться равнодушной, она сразу почувствовала влечение к нему. В его радушии было что-то теплое, обаятельное.

– Спасибо, сэр. Очень вам признательна... – начала она.

– Теперь ступайте, Новелла. Мне нужно многое обсудить с сэром Эдвардом, – прервал ее лорд Бактон.

– Но, сэр, ваша жена больна.

– И я навещу ее, как только закончу свои дела с сэром Эдвардом. Ухаживать за больными – это занятие для женщин. Я приду, когда смогу. Пожалуйста, оставь нас.

Новелле стало мерзко на душе. Что это за мужчина, если он ставит свои интересы выше здоровья собственной жены?

«Папа прошел бы мили босиком по раскаленным углям, чтобы оказаться рядом с мамой, если бы она заболела!» – зло думала Новелла, поднимаясь по лестнице.

Наверху ее мысли обратились к сэру Эдварду.

«Не думала я, что он такой молодой, – удивилась она. – Но нельзя забывать, что это он – во всяком случае, отчасти – виноват в том, что Саламандера забрали из Краунли-холла».

Когда она вошла в спальню матери, миссис Армитадж подняла на нее полные надежды глаза.

– Его светлость придет? Ее светлость спрашивала о нем.

– Он занят, миссис Армитадж. Говорит, что зайдет позже.

– Ц-ц-ц, – покачала головой эконома.

Новелла ничего не сказала на это выражение неодобрения. Да и что говорить, если она была полностью с нею согласна? Положение и правда складывалось прискорбное.

– Вы послали за горничной?

– Да, миледи, она пошла вниз готовить примочку. Моя мать когда-то дала мне замечательный рецепт.

– Спасибо, миссис Армитадж, я очень вам признательна.

Новелла села на край кровати, взяла руку матери и с тревогой всмотрелась в бледное лицо. Губы графини приобрели легкий голубоватый оттенок, что, как знала Новелла, не сулило ничего хорошего.

– Мама, я здесь, – прошептала она, когда графиня чуть слышно застонала.

– Джордж, где Джордж? – слабо проговорила она.

– Миледи? – удивленно произнесла миссис Армитадж.

– Она зовет папу. Мама, папа умер.

– Ох! Ох! – промолвила графиня.

– Сходить за его светлостью? – спросила миссис Армитадж, явно не понимая, что делать дальше.

– Нет, он занят и не придет. Оставайтесь с мамой, а я пойду потороплю горничную.

Новелла поцеловала мать в щеку и вышла из спальни. Спускаясь по лестнице, она бросила убийственный взгляд в сторону библиотеки.

В гостиной Новелла встретила горничную с накрытой тканью банкой в руках.

– Когда миссис Армитадж закончит с примочкой, скажите ей, если я понадобится, я в гостиной.

– Хорошо, миледи.

Горничная сделала быстрый книксен и со всех ног побежала наверх.

В гостиной было так холодно, что Новеллу бросило в дрожь. Яркая луна, висевшая высоко в небе за большим венецианским окном, освещала подъездную дорожку.

Новелла села в кресло у окна.

«Что он за человек, этот лорд Бактон? – размышляла она, все больше озлобляясь с каждой секундой. – Мамино здоровье его не интересует, зато о деньгах он говорит постоянно. Не нравится мне, что он уже успел растратить все свои деньги и, похоже, сумел лишиться почти всех маминых. Что бы сказал папа? Не такой судьбы он хотел для нее... Как бы одиноко ей ни было. Ах, папа. Помоги нам, если можешь! Я очень боюсь за наше будущее и за судьбу самого Краунли-холла».

Она начала тихо всхлипывать. Вскоре луна превратилась в размытое пятно, глаза Новеллы начали закрываться, и она, совершенно обессиленная после волнений этого дня, заснула.

Глава 3

Наступил следующий день, а Новелла по-прежнему не находила себе места от тревоги. Как только мать проснулась, она тихонько вошла в ее спальню и увидела, как графиня заходится кашлем.

Миссис Армитадж уже сидела рядом с нею с чашкой чая.

– Ей не лучше, миледи, – прошептала экономка, когда мать Новеллы попыталась сесть, чтобы выпить чаю.

– Нужно немедленно послать за доктором, – ответила Новелла, ломая руки.

– Но его светлость... Он не велел, если только...

– Мне все равно, что говорит его светлость, пошлите помощника конюха за доктором. Он может взять Причуду, она самая быстрая лошадь из оставшихся.

– Хорошо, миледи.

– И вот еще что, миссис Армитадж... Если его светлость будет спрашивать, скажите ему, что счет доктора Джоунса оплачу я.

– Да, миледи.

Новелла взяла чашку и поднесла к губам матери.

– Мама, попробуйте выпить. Это облегчит боль в груди.

– Спасибо, дорогая. Признаюсь, сегодня утром я что-то совсем ослабла.

– Не волнуйтесь, мама... Миссис Армитадж сейчас пошлет за доктором Джоунсом.

– О, я не хочу его беспокоить...

– Мама, я настаиваю. Мы должны выяснить, из-за чего вы кашляете.

Тут в спальню вернулась миссис Армитадж.

– Послали за доктором?

– Да, миледи. Сменить вас?

– Спасибо, миссис Армитадж. Мама, я вернусь, когда придет доктор. А пока попытайтесь отдохнуть.

Но графиня уже заснула, уронив голову на подушку и сипло дыша приоткрытым ртом.

«Это нехорошо», – думала Новелла, спускаясь по лестнице. Она ненадолго зашла в столовую, взяла холодный бутерброд, после чего решила пойти в старый отцовский кабинет.

Затаив дыхание, она открыла дверь. Все здесь выглядело так же, как в день его смерти. За одним исключением.

«Где картина охоты в Таксби?» – удивилась Новелла, но через секунду поняла, что и она стала жертвой алчности ее отца.

Он проявил не характерную для него чуткость, решив не забирать кабинет себе. Впрочем, возможно, это объяснялось тем, что кабинет был самой маленькой комнатой во всем доме и из его единственного окна не открывался приятный вид на сад.

– Ах, – промолвила Новелла, смахивая слезы, – он как будто только что встал с кресла.

Она провела кончиками пальцев по полированной деревянной крышке обтянутого марокканской кожей письменного стола. Горничная убирала здесь каждый день, поэтому на нем не было ни пылинки.

«Помню, как папа сидел за этим столом и работал, работал, пока мама не начинала его просить отложить перо».

Отец Новеллы, помимо того, что управлял имением, увлекался поэзией. Он написал несколько песен и даже выпустил небольшой томик своих стихотворений.

«Никогда больше мне не встретить такого талантливого человека», – с сожалением подумала Новелла. А еще ее не покидало потаенное чувство, что она никогда никого не будет любить так же сильно, как любила отца.

«Интересно, что еще отчим продал?» – подумала она, осматривая комнату. Потом ей пришло в голову заглянуть в ящики стола.

«Если не ошибаюсь, папа, кажется, хранил свои ценности здесь».

Осматривать ящики было неприятно, как будто роешься в чужих вещах. В самой глубине первого ящика Новелла нашла карманные золотые часы. Их она сунула под пояс юбки.

«Сохраню и отдам маме, когда она выздоровеет», – решила она.

Второй ящик оказался забит бумагами, и ничего интересного в нем не обнаружилось. Зато, открыв нижний ящик, к своему величайшему удивлению, сверху на пачке бумаг она увидела адресованный ей конверт.

«Это почерк отца!» – взволнованно воскликнула она, беря дрожащими руками конверт.

Несколько долгих минут она просто сидела и смотрела на неожиданную находку. Потом, с бьющимся сердцем, взяла отцовский медный нож для открывания конвертов, тот, у которого ручка в форме совы, и просунула лезвие под печать.

Когда она развернула бумажный лист, при виде знакомого почерка ее охватил целый хоровод самых разных чувств.

В письме говорилось:

Дражайшая дочь!

Я уже немолод, и хоть до шестидесяти мне еще далеко, я должен позаботиться о тебе на случай моей скоростижной смерти. Чем ближе я подхожу к возрасту, в котором нас покинул мой дорогой отец, тем чаще мои мысли обращаются к смерти.

– Боже! – ахнула Новелла. – Я совсем забыла, что папа и дедушка умерли в одном возрасте.

Она продолжила читать.

Тебя и маму я люблю так, что ты и представить не можешь, а Краунли-холл я люблю почти так же сильно. Поэтому я заранее сделал так, чтобы ваше с нею будущее было обеспечено. Поскольку в случае моей смерти вы обе превратитесь в весьма состоятельных дам, естественно, вы станете привлекательны для людей определенного сорта, для мужчин, готовых ухаживать за вами исключительно ради вашего богатства.

Хоть я всей душой надеюсь, что вы не станете жертвами подобных низких личностей, я решил по доверенности передать на хранение большую часть денег в распоряжение моему доброму другу и банкиру мистеру Хуберту Лонгриджу из Национального банка в Стокингтоне.

Если ты читаешь это послание, значит, меня уже нет и ты должна как можно скорее обратиться к нему, чтобы забрать свое.

Лишь ты и мать можете получить доступ к этим средствам, и в распоряжении мистера Лонгриджа имеется юридический документ, подтверждающий, что этот счет не входит в число тех средств, на которые обычно имеет право новый муж вышедшей повторно замуж женщины.

Дорогая моя, знай, если даже ты потратила все деньги, оставленные тебе по моему завещанию, у тебя есть еще.

Деньги твои, но при одном условии: ты должна продолжать содержать Краунли-холл и НИКОГДА его не продавать. Это нужно для твоих будущих детей и для детей твоих детей.

Дорогая моя, я целую тебя крепко из могилы и всегда буду наблюдать за тобой, что бы ни случилось.

*Твой любящий отец,
Джордж Краунли пятый, граф*

– О, папа! – воскликнула Новелла, роняя слезы и целуя подпись. – Я так по тебе скучаю. Сейчас твоя сила нужна нам как никогда.

Но вскоре слезы уступили место радости, ибо Новелла поняла, что наконец обрела способ обезопасить себя, мать и Холл от ненасытного лорда Бактона.

«Я верну Краунли-холлу его былую славу, – пообещала она себе, – чего бы это ни стоило. А теперь нужно написать мистеру Лонгриджу и попросить о встрече как можно раньше».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.